

Елена Фишер

РАЙСКИЙ САД

МОСКВА

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
Ф68

Elena Fischer
PARADISE GARDEN

Перевод с немецкого Татьяны Набатниковой
Дизайн обложки Екатерины Анфилатовой

Фишер Елена
Ф68 Райский сад: роман / Елена Фишер; [пер. с нем. Т. Набатниковой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-30881-7

«Райский сад» — это одновременно и волнующий роман взросления, и трогательный роуд-бук о девочке-подростке, потерявшей главную опору в жизни и отчаянно пытавшейся выяснить, кто она есть на самом деле; и, конечно же, это полная нежности и слёз книга о семье, поиске собственных корней, боли, смерти и конфликте поколений.

Четырнадцатилетняя Билли ютится со своей мамой в крошечной квартирке в социальном районе на окраине города. И пусть к концу месяца денег едва хватает на макароны с кетчупом, их жизнь полна света, радости и волшебства.

Однажды к ним в гости приезжает бабушка, с которой мама не общалась много лет. Вместе с ней появляются серые дни и секреты прошлого. Мир девочки рушится.

В поисках ответов Билли одна отправляется в путешествие на их старой машине, полная решимости разыскать отца, о котором она ничего не знает, и выяснить, почему ей каждую ночь снится море, хотя она никогда там не была.

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-30881-7

Copyright © 2023 by Diogenes Verlag AG, Zurich
All rights reserved

© Набатникова Т., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

1

Этим летом у меня умерла мать.

Песня по радио была теперь лишь посторонним звуком, а не приглашением подпевать, как мы обычно делали, даже не зная текста. Ливень был теперь всего лишь погодой, а вовсе не поводом выбежать из дома и босиком приплясывать в луже.

Может, это и поэтично звучит, но разве что на бумаге. Четырнадцать — поганый возраст для того, чтобы потерять мать. Раньше печаль приходила и уходила, как прилив и отлив, а теперь поселилась во мне навсегда.

Мою мать хоронили в самый жаркий день года. Птицы сбивались с пути на белом небе, и ящерики забивались в тень могильных камней. У дорожек цвели розовые кусты, и ветер доносил до нашей могилы их сладкий аромат. Жара растягивала время и замедляла все движения.

Я вытирала потные ладони о подол платья и смотрела в яму у моих ног. Там, внизу, стоял гроб, на нём лежали цветы декоративного подсолнуха, а внутри его лежала моя мать. Тёмные локоны обрамляли её лицо, алые губы насмешливо улыбались, а ноги были обуты в белые ковбойские сапоги — так я это себе представляла.

А ещё я представляла себе, как мать внезапно окажется рядом со мной и спасёт меня. Разгладит ладонями свою юбку и проведет рукой по волосам. Потом скажет что-то вроде: «Ну чего ты так расстроилась, смотреть на тебя не могу!» Поцелует меня в подбородок, возьмёт меня за руку и уведёт прочь, как бывало так часто.

Моя мать, конечно, не появилась.

Вместо этого пришли мои первые месячные.

Священник бросил на гроб горсть земли.

— Из праха ты была взята, к праху и возвращаешься, но Господь тебя воскресит, — сказал он нараспев, а из моего тела засочилась кровь, живая и тёплая. На секунду мне представилось, что я сейчас тоже умру, и я бы с радостью легла рядом с матерью. Мне показалось предательством со стороны моего тела, что месячные начались, как нарочно, именно сейчас. Я не пошевелилась. Закрыла глаза и надеялась таким образом стать невидимой. Лишь бы никто не заметил, что именно в этот момент я превращаюсь в женщину.

Я хотела втянуть свою кровь назад в тело, но не могла преодолеть силу тяготения. Кровь вя-

ло стекала у меня по ноге. Всё стремится вниз, к земле. Я сжала бёдра и испачкала своё жёлтое летнее платье.

Будь там моя бабушка, она бы недовольно сжала губы — две узкие чёрточки, концы которых указывали вниз. Она бы беспрестанно плакала. В теле моей бабушки, кажется, таился бачок с водой, из которого подпитывались ручьи её слёз. Может, её лицо оттого было таким морщинистым, что вода бесконтрольно вытекала из неё, не оставляя после себя ничего, кроме засухи.

В день, когда умерла мама, я распалась на части. От меня осталась лишь череда букв, которые были когда-то моим именем.

Мама называла меня Билли. Б-и-л-л-и.

При этом её губы едва касались друг друга — коротко и мягко. Своё настоящее имя я впервые услышала в семь лет. В первый школьный день учительница по очереди выкликала всех детей. Я осталась лишней, вместе с именем, которое было мне незнакомо.

— Билли — это сокращённое от Эрцсэбет, — сказала моя мать. Её произношение было безупречным. Я хотя и понимала по-венгерски, но единственное, что я улавливала в этом звучании, было Эрше-бетт¹.

— А почему меня просто не назвали именем Билли?

¹ По-немецки звучит как «задо-койка».

— Твоя бабушка была против, — вздохнула моя мать. Я тогда не знала бабушку, но сразу уяснила, что она не находила хорошим то, что нравилось моей матери.

— А почему она была против?

— Имя Билли взято не из Библии, — сказала моя мать.

— А разве твоё имя Марика взято из Библии?

Моя мать помотала головой. И потом сказала:

— Не напрямую. Но Марика означает дар Божий. По крайней мере, это *одно* из значений.

— Тогда, значит, есть и другое?

Моя мать улыбнулась так широко, что я увидела её золотой зуб.

— Строптивная. Но про это твоя бабушка не подумала.

2

Но теперь назад, к началу.

Началом был последний день перед летними каникулами.

Началом была песня по радио.

Началом были большие планы.

Может, началом было всё это вместе.

Во всяком случае, я как раз вовремя вернулась из школы, чтобы «угадать мелодию» с ней вместе. Мы с матерью обе подсели на этот новый розыгрыш призов по радио.

— Сделай потише, — сказала я, когда вошла в гостиную.

Я ещё в холле нашего этажа услышала голос ведущего, его, наверное, слышали и все наши соседи.

— Тс-с, — ответила на мою просьбу мать, приложив палец к губам. В другой руке она держала наготове телефон. Я знала, что номер она набрала заранее. Мы это проделывали уже тысячу раз.

Моя мать сидела на нашем диване. Лево́й ногой она притопывала в ритм, а на лбу у неё блестели капельки пота. Стоял гнетуще-жаркий день. Она открыла все окна в квартире, но воздух в гостиной всё равно не циркулировал.

Едва я села рядом с матерью, как началось.

— Три, два, один, — сказал ведущий, и затем прозвучали первые звуки.

— *Wicked Game!*¹ — воскликнула моя мать.

— Ни в коем случае, — сказала я. Я-то сразу узнала песню. — Это *All My Tears!*²

— Ты уверена?

— Давай, звони!

Угадать песню — одно дело, но вот дозвониться — уже совсем другое. Самое обидное было, когда ты дозванивался, но не угадывал. Моя мать нажала зелёную кнопку и поднесла телефон к уху.

Выйграть деньги было бы для нас чем-то невероятным.

¹ Подлая игра (англ.).

² Все мои слёзы (англ.).

Там, где мы жили, большинство людей давно вычеркнули из своего словарного запаса слово «выиграть».

Никто не жил здесь, на окраине города, по своей воле. Наш жилой блок был самым высоким из пяти корпусов, расположенных полукругом и образующих особый маленький микрорайон. Каждый дом был покрашен в свой цвет — наш был бессильно-жёлтый.

Если ты называл этот адрес — претендуя на рабочее место, к примеру, — люди сразу знали, что почём. «Большое спасибо за ваш интерес, пожалуйста, следующий!» Моя мать могла спеть об этом песню.

Я задержала дыхание и насчитала четыре гудка. Прозвучало четыре гудка, и мы внезапно оказались на прямой линии.

Мы с мамой так разволновались, что заговорили наперебой. Моя мать то и дело срывалась с немецкого языка на венгерский и обратно, как часто бывает в моменты волнения. Но ведущий нас всё-таки понял. В конце он велел нам оставаться на линии. Мы едва могли поверить своему счастью.

— Хоть бы эта «петля ожидания» не сожрала наш выигрыш, — сказала моя мать. Она включила громкую связь и потёрла себе правое ухо. Оно горело.

Мы провисели в этой петле ожидания всего пять минут. Потом какая-то женщина поздравила нас и спросила у матери номер её банковского

счёта. Она зачитала цифры со своей карты. Будто молитву, про которую она наперёд знала, что её слова будут услышаны.

Затем мать отложила трубку и заявила:

— Этим летом мы поедem в отпуск!

— В настоящий отпуск? — спросила я и уже видела перед собой пальмы на ветру, видела пляж и, разумеется, морскую даль.

— В самый настоящий, — подтвердила она. Потом встала, чтобы собраться на работу.

Я легла на кушетку. Меня совсем разморило от жары. Я закрыла глаза и слушала, как шумит вода в душе. В какой-то момент моя мать вернулась в гостиную в своём облике «я-всё-могу». Блёстки верхней части её наряда сверкали на солнце, джинсы сидели в обlipочку. И к тому же она надела свои белые ковбойские сапоги, расписанные ягодами вишни. Она поцеловала меня на прощанье и уехала на автобусе в город, на свою вечернюю работу.

У моей матери было две работы.

По утрам она работала в большом стеклянном ящике, который состоял из множества маленьких загоронок. Она убирала за другими сотрудниками, которые носили дорогие костюмы и галстуки. Кроме того, она подавала им скрепки, конверты и маркеры, а иногда — кубики для охлаждения напитков. Нередко случалось так, что кто-нибудь натыкался на стеклянную дверь или стенку. А по вечерам моя мать работала официанткой в баре.

— Работа в баре хотя и обеспечивает нам настроение, — говорила она, пересчитывая после смены чаевые, — но работа уборщицы обеспечивает жизнь.

В фирме, где работала моя мать, она видела самые безумные вещи. Причина таилась в том, что сама она была невидимой. Когда она в своих джинсах и рабочем халате шла по коридору, пополняла в принтере запас бумаги или мыла туалет, её никто не замечал. С годами к ней привыкли, как привыкают к контейнеру на колёсиках или торшеру. Только когда она приходила домой, переодевалась, распускала волосы и красила губы, она становилась тем человеком, каким, собственно, хотела быть.

Один раз за смену моя мать совершала обход всего офиса, чтобы опорожнить мусорные корзинки.

— Истинный характер людей узнаёшь по тому, как они обращаются с вещами, в которых больше не нуждаются, — любила говорить она.

Мужчина в конце коридора бросал в свою корзину для мусора всё подряд: объедки, бумажный стаканчик с недопитым кофе, компакт-диски, башмаки. Однажды мать увидела там окровавленный носовой платок. Его корзину не получалось опорожнить просто так, ей приходилось всякий раз совать туда руки, чтобы всё выгрести. Она выгребала из его корзины для бумаг половину его жизненного процесса.

Когда в тот вечер моя мать вернулась из бара, я ещё не спала.

— Подвинься немного, — сказала она и скользнула ко мне в кровать. Она повернулась, и мы очутились лицом к лицу.

— А мы сможем на те деньги поехать на море? — спросила я.

— Конечно, а на какое ты хочешь? — спросила моя мать и улыбнулась.

— На Карибское. Или на Атлантический океан.

Мне никогда не надоедало думать о море. Оно представлялось либо бурным, либо бирюзовым, как на плакатах в витринах бюро путешествий. Я тосковала по нему и в том, и в другом виде. Иногда эта тоска была как укусы комара в том месте моего тела, куда я не дотягивалась почесаться.

— А я хочу во Флориду, — сказала моя мать. — Я бы каждое утро ела там на пляже олады.

— Конечно, ещё бы, — сказала я, и в животе у меня заурчало.

Моя мать сходила с ума по этой Флориде с тех пор, как посмотрела тот фильм. Там маленькая девочка и её мать живут в жилом вагончике. В нём не было примечательных событий.

— Для чего люди снимают фильмы, в которых ничего не происходит? — спросила я. Если бы я писала истории, в них бы чего только не случилось.

— Пока ничего не происходит, всё возможно, — сказала моя мать, и ведь это было верно.

Она встала.

— Сделаю-ка нам оладьи, — сказала она.

И скрылась на кухне.

Оладьи моей матери были лучшими, какие я только ела. Их всегда ставили на стол по случаю какого-нибудь праздника. И можете мне поверить: мы находили множество поводов по-праздновать. Были, например, дни рождения. Не только наши, но и всех детей, живущих в нашем блоке. А жило здесь множество детей.

Мать принесла мне в постель целую тарелку и спросила:

— А они у тебя из носа не полезут?

Это она спрашивала каждый раз.

— Надо говорить «из ушей», — сказала я, окунула указательный палец в кленовый сироп и облизала. У моей матери всегда была проблема с немецкими поговорками. Она переворачивала вещи с ног на голову, не понимала смысла и говорила: «Этот идиот должен сперва схватиться за свой лоб» — вместо «подумать лбом».

Моя мать присела на край кровати.

— Всё со временем изнашивается.

— Песня, например, — сказала я.

Иногда я по многу раз слушала одну и ту же песню, а через какое-то время уже не понимала, чем она вообще мне понравилась.

— Да, например. Или человек, — сказала она. — Но не ты. Ты никогда не износишься, — и она обняла меня, тарелка чуть не выпала у меня из рук.

Сильно позднее, когда моя мать заснула в гостиной, я ещё раз встала. Я широко распахнула своё окно и высунулась наружу, вдохнув тёплый летний воздух.

Мы жили почти на самом верху. На семнадцатом этаже. Отсюда можно было бы увидеть море, если бы оно было. Но там был только автобан. Он змеился по территории природного заповедника, разрезая зелень на две части. Шум машин присутствовал всегда, но тут мы его почти не слышали. Раньше этот монотонный гул даже убаюкивал меня.

— Эй, ну что, не слышно тебе море? — шёпотом спрашивала моя мать.

В каникулы движение транспорта становилось плотнее. Иногда мать наливала фруктовый сок с кусочками льда в большие стаканы и украшала их розовыми соломинками и зонтиками. Она совала коктейль мне в руку, брала два шезлонга и ставила их снаружи в холле, между нашей входной дверью и балюстрадой, с которой во многих местах облупилась краска.

И тогда мы играли в отпуск.

Мы садились рядом — моя мать в белом бикини, я в купальнике — и подставляли наши животы солнцу. Мы радовались тому, что расслабляемся тут, в то время как люди на автобане торчат в своих машинах.

И вот я стояла у окна и прислушивалась.

Только теперь мне стала понятна правда. Она, разумеется, состояла в том, что мы бы не разду-

мывая поменялись с ними местами. Мы бы лучше торчали в машине, чтобы ехать в Италию, Францию или Испанию.

3

Я сидела в холле нашего этажа и листала каталоги туров. Они были толстыми, с обложками из глянцевой бумаги.

Мужчина в турбюро пытался добиться ответа, куда я хотела бы поехать, но я и сама не знала точно. Знала только, что хочу поразить мать какой-нибудь невероятной идеей.

— На море, — ответила я ему.

— В Европе? — спросил мужчина, и я кивнула. — В Португалии, Испании, Франции, Италии или Греции?

— Почти, — сказала я. — У вас нет каталога Венгрии?

— Но Венгрия не имеет выхода к морю, — сказал он и сунул мне в пакет стопку каталогов.

Я, конечно, знала об этом, как и о том, что моя мать ни за что не поехала бы в Венгрию. Но мне хотелось посмотреть картинки оттуда.

Я уже была в дверях, когда мне в голову пришла одна мысль.

— А есть у вас каталог Флориды?

И теперь я смотрела попеременно то на светло-голубое небо, то на дорогу, которая пролегла среди бирюзовой воды. Я видела пальмы у пес-

чаных пляжей и розовые отели с гигантскими бассейнами, веранды с плетёными креслами-качалками и сады с растениями, цветы которых были размером с футбольный мяч.

А потом я увидела цены.

Такие, что мы не смогли бы позволить себе даже перелёт туда. Мы не потянули бы перелёт, даже если бы нам было разрешено лететь вдвоём на одном месте.

Я захлопнула каталог Флориды и закрыла глаза. Солнце стояло высоко в небе и окрашивало темноту позади моих век в красный цвет. Весь наш холл был в моём распоряжении, но я знала, что это ненадолго. Моя мать и я были не единственными, кто перемещал свою жизнь из квартиры наружу, как только становилось тепло. Мы делили этот холл с нашими соседями, которые, как и мы, не имели балкона.

К примеру, с Луной. Она была старше меня, но моложе моей матери. Сколько ей было в точности, мы не знали. Она говорила то 23, то потом 32. Правда играла в прятки где-то между двумя этими цифрами. Возраст Луны зависел от её самочувствия. Она работала поблизости, в студии загара «Сансет». Тех, к кому она хорошо относилась, она укладывала на скамью для облучения бесплатно. В карманах её джинсов всегда водились фальшивые монеты, которые можно было бросить в щель автомата вместо настоящих. Мы любили Луну, а Луна любила нас. Правда, никакого проку от этого не было ни нам, ни ей. Я бы-

ла слишком юной, чтобы ходить в солярий. Туда допускались только с шестнадцати лет. Я не раз пыталась уговорить Луну, но она только мотала головой так, что её розовые волосы разлетались. А моя мать не нуждалась в загаре. Когда зимой кожа большинства из нас и окружающих приобрела цвет мясной колбасы, моя мать всё ещё оставалась смуглой.

— Это цыганская кровь, — говорила она и вздыхала. Никак не могла смириться с тем, что упускает шанс получить хоть что-то без необходимости платить за это.

Я раскрыла следующий каталог. Италия. Не Флорида, конечно, но там тоже были красивые пляжи и хорошая пицца. Причём в изобилии. Я сравнивала отели и кемпинговые площадки. Я перелистывала страницы вперёд и назад, и снова вперёд. Мне не понадобилось много времени на то, чтобы прикинуть: нашего выигрыша попросту не хватит на отпуск. Его, может, и хватит на новый матрац или на один-два выезда в большой парк отдыха. Или на годовой абонемент в бассейн. Может быть, его хватило бы даже на дорогу в Италию на нашем «ниссане». Но что потом?

— Вы что, уезжаете этим летом? — вдруг спросил кто-то рядом со мной. Это был Ахмед. У него на плече висела спортивная сумка, а на ней — боксёрские перчатки. Кожа Ахмеда блестела от пота, но при такой погоде трудно было сказать, то ли он идёт на тренировку, то ли уже потрени-

ровался. Ахмед был ещё темнее, чем моя мать. Официально он был израильтянин, но на самом деле палестинец. Я не понимала, как это может быть, но в принципе мне было безразлично.

Я некоторое время раздумывала, не рассказать ли ему про наш выигрыш, но потом отбросила эту мысль. Я не хотела расстраивать его. Ахмед приехал в Германию, чтобы изучать химию, но по каким-то причинам не продвинулся в этом. Когда моя мать спрашивала его, как дела, он смеялся и всякий раз отвечал:

— Хорошо, хорошо!

Но с недавних пор он молчал. Я знала, что он потерял свою работу промоутера.

— Мы хотели поехать на море, — сказала я вместо этого. — Но скорее всего останемся дома, — я положила итальянский каталог рядом с собой на пол. — Всё слишком дорого.

— А вы поезжайте на Северное море. Это недалеко, и я слышал, что там очень красиво.

Ахмед открыл свою дверь. Он жил вплотную рядом с нами. Если нам требовалась какая-то помощь, мы просто стучали ему в стенку. Он был сильный, его большие руки могли открыть любую банку с вареньем. Мне Ахмед нравился. От него пахло мылом и кальяном, и у него были самые длинные ресницы, какие я только видела. Кроме того, у него всегда были хорошие идеи.

Я встала. Лучше бы мне было ещё раз зайти в бюро туризма и взять каталог Германии. Но

после обеда бюро закрывалось. Поэтому я взяла из квартиры мой школьный атлас, бумагу, ручку и калькулятор. Я раскрыла атлас на странице общего вида страны. От нас на север вела не одна дорога. Автобаны, конечно, не упирались прямо в море. Никто не хотел бы сидеть на пляже, слушая, как у него за спиной проносятся машины. Но у моря было достаточно подъездных дорог. Я подыскивала кратчайшее расстояние. Потом пометила себе название местечка. И принялась подсчитывать расходы. У нас хватало денег, чтобы оплатить бензин. Может, мы могли бы даже переночевать одну ночь в отеле.

Под конец я нарисовала на бумажке солнце, пляж и море, а сверху надписала: «Северное море».

— Что ты тут делаешь? — спросила у меня из-за спины мать.

Десять минут назад она вернулась с работы. Мне не требовалось оборачиваться, чтобы знать, что её джинсы и майка валяются в прихожей на полу. Когда она возвращалась из офиса, она просто сбрасывала с себя одежду. А потом ставила обед в микроволновку.

Она склонилась с дымящимся куском лазаньи над спинкой моего шезлонга.

— А я думала, у тебя каникулы, — сказала она, кивнув на мой атлас.

— Я планирую наш отпуск.

Я взяла тарелку и поставила её рядом с собой на пол. Моя мать придвинула второй шезлонг к моему.

— Покажи-ка, — сказала она.

Через три секунды она вернула мне мою картинку с Северным морем.

— Нет. Ни в коем случае. Что взбрело тебе в голову? — скрестила руки на груди моя мать.

— А почему нет? — спросила я.

— Что нам делать на Северном море? — спросила она. — Мёрзнуть на пляже? Мы же не любим ветер, ты что, забыла?

— Там тысяча градусов. Мы не замёрзнем.

— Поехали во Францию, — сказала моя мать и откинулась на спинку.

— Франция слишком дорогая, — сказала я. — Поехать-то мы могли бы. Но где мы будем ночевать?

— Что-нибудь придумаем, — парировала она и отпила глоток от моей колы.

— Да что ты говоришь! И что же?

— Сейчас тепло. Мы могли бы ночевать под открытым небом.

— А если пойдёт дождь?

— Тогда будем спать в машине.

Посмотрев мне прямо в лицо, она добавила:

— А ты знаешь, что есть люди, которые всю свою жизнь проводят в машине? Спорим, они каждый год крадут свою машину заново.

Я любила наш «ниссан», с этим не было проблем. Он был единственной роскошью, какую мы себе позволяли. Но в основном мы ездили на автобусе. Иной раз даже покупали билеты. Только иногда, когда начинался новый месяц, мы ехали в город на «ниссане».

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Фишер Елена

РАЙСКИЙ САД

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *В. Барсукова*
Художественный редактор *К. Анфилатова*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректор *О. Ануфриева*
Компьютерная верстка *С. Иванова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.02.2026.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура Spectral.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 2000 экз. Т-ИЗР-40090-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

